

Глава 13. Мы же целых три дня знакомимся!

—

— А что еще делать? Спать вместе будем!

Глаза Цинь Сяоманя азартно блеснули, он с размаху плюхнулся на кровать и глубоко вдохнул запах постели Ду Хэна.

Лицо Ду Хэна вспыхнуло. Вспомнив слова юноши, сказанные ранее, он инстинктивно вцепился в пояс своих штанов и отодвинулся к самому краю кровати:

— Э... это... это нехорошо!

— С чего бы это? Где это видано, чтобы супруги спали порознь? Ты же теперь мой муж.

Сяомань пополз следом за Ду Хэном, пытаясь прильнуть к нему поближе.

— Я... я еще не готов. Мы же договорились сначала поближе узнать друг друга, познакомиться...

Сяомань ответил с самым серьезным видом:

— Так мы уже целых три дня знакомимся! Сколько еще надо знакомиться-то?

Ду Хэн пришел в ужас. «Надо же, ты еще помнишь, что мы знакомы всего три дня!»

— Я сводил тебя на наши поля, ты готовишь мне еду и стираешь одежду, даже деньги собрался зарабатывать. Мы уже знаем друг друга лучше, чем большинство супругов! До каких пор знакомиться-то будем?

Сяомань навалился сверху:

— Пока сейчас работы в поле немного, надо поскорее всё оформить. А то если затянуть до полевых работ, мне что - с огромным животом в поле пахать?

Зрачки Ду Хэна расширились от шока. Он прикусил губу. Неужели в крестьянских семьях даже такие дела подгадывают так, чтобы не мешать полевым работам? Совсем у людей прав нет?

Впрочем, это было не главное. Главное то, что, зная его всего три дня... он не может... нет, в смысле - нельзя так.

— Я... мне неудобно.

Сяомань нахмурился и сел на кровати:

— Тогда ты просто лежи и не двигайся, я обо всем позабочусь. Это же быстро, много сил не займет.

Услышав такие бесстыдные речи, Ду Хэн почувствовал, как всё его лицо горит огнем. Видя, что Сяомань снова бросился на него, он извернулся «прыжком карпа» и соскочил с кровати. Он едва не упал, пошатнувшись:

— Не надо так!

Сяомань промахнулся. Глядя на Ду Хэна, который забился в угол с таким видом, будто спасался от страшного бедствия, он всё понял:

— Значит, всё, что ты говорил раньше - вранье?

— То, что я говорил раньше, - не вранье.

— Познакомиться - познакомились, а ты всё равно не хочешь. Разве я к тебе плохо отношусь?

Ду Хэн посмотрел на сидящего на кровати гера:

— Я не говорил, что ты плохо ко мне относишься. Просто я считаю, что времени...

— «Просто», «просто»! Ты такой же, как все они, ты тоже меня презираешь!

Сяомань надулся, спрыгнул с кровати, сунул ноги в туфли и пулей вылетел из комнаты, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Ду Хэн поспешил за ним, но перед его носом снова с грохотом закрылась дверь - уже в комнату Сяоманя.

— Я вовсе не презираю тебя, — сказал Ду Хэн через дверь. — Такие вещи нельзя торопить; ты ещё молод.

Сяомань зарылся в одеяло. Услышав голос снаружи, он рассердился еще сильнее:

— Мог бы сразу сказать, что тебе нравятся те, кто постарше!

— ...

— Мне не нравятся те, кто постарше.

— Замолчи! Я сплю!

Ду Хэн вздохнул. Сяомань с головой накрылся одеялом. Этот отказ уязвил его сильнее, чем расторжение помолвки с семьей Чжао. История с Чжао вызывала гнев, а поступок Ду Хэна заставил его почувствовать... обиду.

Он просто... просто считал, что Ду Хэн очень хороший, ему хотелось быть рядом, смотреть на него, быть ближе. Он и не знал, что тот так бурно отреагирует. А он-то, дурак, думал, что Ду Хэн решил остепениться и жить с ним по-настоящему. А тот, небось, просто хочет переждать зиму в сытости и тепле, а весной, как потеплеет, сбежит.

Сяомань прятался под одеялом, пока не начал задыхаться. Он сел, глядя на закрытую дверь, и прислушался. Тихо.

Он шумно выдохнул и раздраженно взъерошил волосы. Немного остыв, он подумал, что, возможно, не стоило быть таким капризным и властным. Это другие люди его вечно обижали, поэтому он стал таким, а Ду Хэн его не обижал - просто не пошел у него на поводу. Не все же должны ему потакать, он не император, в конце концов.

Сяомань вздохнул, встал и решил пойти к Ду Хэну. Открыв дверь, он едва не столкнулся с тем, кто всё еще стоял на пороге:

— Ты почему еще здесь?

Ду Хэн увидел, что Сяомань уже успокоился – гнев у него и впрямь быстро вспыхивал и так же быстро гас. Ду Хэн молча смотрел на него. Он не знал, как утешить его в такой ситуации: любые слова казались ему оправданиями подлеца, который дурачит другого.

Сяомань постоял в дверях, его голос стал гораздо тише:

— Ты... ты завтра всё еще будешь жарить мне яйцо?

Ду Хэн улыбнулся с видимым облегчением:

— Конечно.

Сяомань вскинул брови:

— У меня характер вспыльчивый, не принимай близко к сердцу.

— Я не принимаю это близко к сердцу, просто боялся, что ты накрутишь себя.

— Ладно, спи тогда. — Сяомань, боясь, что Ду Хэн всё еще опасается его, добавил: — Иди к себе, а я буду спать здесь.

На следующее утро Сяомань услышал возню на кухне. Когда он поднялся, Ду Хэн уже поджарил ему яйцо. Золотистое, шкварчащее в масле и ароматное – такую роскошь дети ели только по случаю дня рождения.

В семье Цинь он был единственным ребенком. Когда оба его отца были живы, в доме всегда звенел смех, и на праздники всегда были такие угощения. Но после смерти отца Сяомань почти не ел жареных яиц: во-первых, некому было готовить, во-вторых, он сам вечно пропадал на полях или в лесу, да и экономил – когда там возиться с готовкой для себя одного.

Сяомань взял тарелку и пристроился на скамье у очага. Ночные обиды давно вылетели из головы.

Когда они закончили завтрак, на улице еще было серо – светало поздно. Чем ближе к середине зимы, тем позже встает солнце и раньше темнеет; времени для работы днем куда меньше, чем летом.

Увидев, что Ду Хэн под навесом чистит зубы веточкой софоры, Сяомань вытер жирный рот и прополоскал его водой:

— Пойду сначала разузнаю, кому нужны дрова. Как найду людей, вернусь за инструментом.

— Хорошо.

Сяомань зашагал в предрассветных сумерках в сторону домов, над которыми уже вился дымок. Предложение «помочь за дрова» в пору зимнего безделья считалось большой удачей. Он направился в низину, к самым бедным семьям – их легче позвать, да и беднякам помочь лишним не будет.

— Сяомань, чего так рано выбрался?

Кто-то окликнул его с огорода. Сяомань увидел Цуй Цююэ, которая собирала овощи – вероятно,

для домашней лапши.

— Цююэ, а лекарь Цуй уже вернулся?

Девушка выпрямилась. Она была ровесницей Сяоманя, но кожа у нее была белой, и выглядела она нежнее.

— Вернулся. Вчера уже после часа Хай (21:00-23:00) дома был.

Услышав, что единственный в деревне лекарь дома, Сяомань обрадовался:

— Вот и славно!

Тем временем Ду Хэн покормил кур, зачерпнул горячей воды, вылил в таз с вещами, которые Сяомань сменил вчера, и присел под навесом стирать.

— Взрослый мужчина стирает одежду своей жены? Это же смешно!

Услышав смех за изгородью, Ду Хэн поднял голову и увидел двух мальчишек. Лица показались ему знакомыми. Дети, поняв, что их услышали, зажали рты ладошками и приготовились бежать. Ду Хэн вспомнил, что это те самые сорванцы, которые жаловались, будто Сяомань отнял у них каштаны.

— Эй, чьи вы дети? — окликнул он их.

Голос его не звучал угрожающе, наоборот - мягко. Ребенок, пробежавший несколько шагов, остановился как вкопанный.

— Мы из Цветочной долины.

Решив, что Ду Хэн как беженец не знает местных названий, один из них ткнул пальцем:

— Это вон там, впереди. Там ваше самое большое рисовое поле.

Услышав про большое поле, Ду Хэн сразу понял, о чем речь. Сяомань показывал ему земли, а память у Ду Хэна была отличная. Рядом с тем полем стояло три дома.

— Так вот как то место называется - Цветочная долина.

— Ага.

Ду Хэн спросил:

— Вы, я смотрю, деревню хорошо знаете?

Тот, что повыше, фыркнул:

— Мы выросли в этой деревне, конечно, мы ее хорошо знаем.

— Да ну? И знаете, кто чем на жизнь зарабатывает? Кто в деревне самый богатый, а кто - самый бедный?

— Да мы даже знаем, у кого сегодня мясо на ужин, а у кого в закромах риса ни зернышка не осталось!

Ду Хэн понимал, что это бахвальство, но кивнул и спросил:

— Каштаны жареные будете?

Мальчишки замялись. Отказываться не хотелось, но и просить было неловко. Ду Хэн прекрасно понимал детей: на одном одежда в заплатках, у другого на штанах куски ткани разного цвета – ясно, что дома их лакомствами не балуют.

— Ворота открыты, заходите.

Дети переглянулись. Видя, что Ду Хэн ушел в дом, они помедлили, но всё же толкнули калитку. Ребяшня – народ непосредственный. Войдя во двор, они принялись с любопытством озираться. Хоть они и жили ближе всех к Сяоманю, последний раз они заходили сюда еще при жизни учителя Циня и его фулана. После смерти фулана они почти не заглядывали, а уж когда Сяомань остался один – и подавно. Прошло несколько лет, и теперь они с удивлением рассматривали обстановку:

— Ого, какой у Мань гера дом огромный! И он не боится тут один жить?

— Да он же никого не боится! Даже брат Ху не смог победить его в драке в прошлый раз.

Тот, что повыше, добавил:

— Жить-то можно, пока тихо. Помнишь, в холодный месяц воры в деревню повадились? По ночам в амбары лазили, зерно воровали, жуть! Говорили, и к Мань геру забирались. Хорошо еще, вор один был, а если б шайка и обнаружили, что в доме только один человек, я даже думать об этом не хочу.

— И что потом было?

Ду Хэн, который как раз выходил, вмешался в разговор.

— Вору не удалось ничего украсть – Мань гер его побил. Второй дядя Цинь услышал, как в гонг бьют, прибежал с мясницким ножом, вора и скрутили, в управу сдали.

— После сбора урожая всегда надо воров и разбойников опасаться, каждый год все настороже.

Услышав слова детей, Ду Хэн нахмурился.

— Ну, теперь-то ты зятем пришел, — добавил один из мальчишек. — Воры увидят, что в доме людей прибавилось, и побоятся лезть.

Ду Хэн отогнал мрачные мысли и с улыбкой протянул детям по горсти теплых каштанов. Он подсушивал их на плите – после готовки они были в самый раз. Сам он изредка съедал парочку, но он уже не ребенок, чтобы так тянуться к сладкому. Мальчишки же очень обрадовались каштанам с хрупкой скорлупой и тут же принялись их чистить.

— Мне из-за ноги трудно часто выходить, так что вы заглядывайте ко мне поболтать, когда время будет.

За еду дети готовы были признать его хоть родным отцом. Ду Хэн им сразу понравился.

— Ладно! Мы больше никогда не будем говорить про тебя и Мань гера гадости!

Ду Хэн усмехнулся.

— Муж, выходи скорее! Лекарь Цуй вернулся!

Мальчишки еще не доели каштаны, но, услышав крик снаружи, наперегонки бросились со двора - Цинь Сяоманя они явно побаивались не на шутку.

—

<http://bllate.org/book/14888/1327102>